

УДК 82.091:82-93:82.161.1(091)

АМЕРИКА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX ВЕКА В РОССИИ

Анна Альбертовна Арустамова

доцент кафедры русской литературы

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул.Букирева, 15. arustamova@perm.ru

В статье на материале детской литературы рассматривается специфика рецепции США русской культурой последней трети XIX в. Автор статьи показывает, как в детской литературе находят преломление тенденции восприятия американского мира русской литературой конца XIX в. Материалом статьи служат произведения широкого круга авторов, среди которых как известные писатели (А. Чехов, М. Осоргин), так и писатели массовой беллетристики (И. Каневский, В. Немирович-Данченко). Рассмотрен ключевой мотив побега\отъезда в Америку юных героев, особое внимание – в рамках избранной темы – уделяется рассмотрению нравственно-психологическим проблем, поставленных русской литературой конца XIX в.

Ключевые слова: США; детская литература; русская литература XIX в.; рецепция.

В последние десятилетия XIX в. мотив отъезда / побега русских мальчиков в Америку появляется в художественной литературе для детей и о детях, приобретая остро социальное звучание. Он несет в себе семантику, которая была обусловлена появлением новых тенденций в общественной жизни. Как отмечает Э.Л. Нитобург, с 1881 г. по 1890 г. из России в Америку выехало 265700 человек, а с 1891 г. по 1900 г. – уже 593700 человек [Нитобург 1999: 469]. Заметим, что исследователь дает сведения, касающиеся только эмигрантов. Столь значительные цифры, за которыми стоят человеческие судьбы, подчас очень драматичные, обусловлены исторической ситуацией, сложившейся в России последней трети XIX в.

Причины, по которым русские люди в конце XIX – начале XX вв. отправлялись в Америку навсегда или на время, как известно, были многообразны. Одна из них – вынужденный отъезд участников народнического движения из-за угрозы репрессий на более или менее долгий срок (В.В. Святловский, В.Г. Тан-Богораз). Некоторые из них пытались в Америке осуществить на практике народнические идеи по созданию коммун (В.К. Гейнс, И. Речицкий, А. Романовский, А.К. Маликов и др.).

В это же время значительно увеличивается число ознакомительных поездок в Соединенные Штаты писателей, литераторов, журналистов,

исследователей в области естественных и гуманитарных наук, представителей Русского географического общества (В.Г. Короленко, Г.А. Мачтет, Н.Е. Славинский, П.И. Огородников, А. Курбский и др.).

В последние десятилетия XIX в. возникло явление эмиграции представителей других национальностей, в особенности евреев. Среди ее причин исследователи называют невыносимое экономическое положение, буквальную нищету евреев, белорусов, украинцев, принятие указа о призыве в армию, в частности, евреев. По причинам религиозных преследований и нетерпимости уезжали в США сектанты разного толка – духоборы, молокане, меннониты.

Отъезд в Америку оказывался в какой-то мере обусловленным также и кругом детского и юношеского чтения русской интеллигенции (Майн-Рид, Брет Гарг, Ф. Купер, Г. Бичер-Стоу). Этот мотив звучит в прозе многих русских публицистов – М.М. Владимирова, П. Тверского, А. Курбского и др. А.П. Чехов замечал в «Осколках Московской жизни», обозначая влияние книг на нравственный и духовный мир человека: «С временами меняются вкусы. Было время, когда люди зачитывались рыцарскими романами и ходили в дон-Кихоты. Не так давно наши сызранские и чухломские детеныши, начитавшись Майн-Рида и Купера, удирали из родительских домов и изображали бегство в Америку» [Чехов 1987: 143].

Мотив отъезда (побега как его варианта) в Америку находит свое воплощение и в публицистике, и в художественной литературе, становится сюжетообразующим в произведениях В.Г. Короленко, Кекуракиса, К.М. Станюковича, очерках В.В. Святловского, Н.Е. Славинского, П. Тверского и др. Мотив побега в Америку популярен и в литературе о детях и для детей. В прозе чеховского времени был распространен сюжет побега в Америку детей – в произведениях А.П. Чехова («Мальчики»), В.И. Немировича-Данченко (роман «На краю гибели»), А.С. Серафимовича (рассказы «Бегство», «Сережа»), И.В. Каневского («В Америку! Три месяца скитаний в горах Кавказа»), Е.С. Бир-Штейна («Как они удрали в Америку!» Миниатюра-шутка в 1 действии с пением и танцами), М.А. Осоргина (мемуарная проза).

В 1887 г. появился известный чеховский рассказ «Мальчики», герои которого собираются бежать в Америку явно под влиянием прочитанного. Они «собирались бежать куда-то в Америку добывать золото... мальчикам придется пройти пешком несколько тысяч верст, а по дороге сражаться с тиграми и дикарями, потом добывать золото и слоновую кость, убивать врагов, поступать в морские разбойники, пить джин и в конце концов жениться на красавицах и обрабатывать плантации» [Чехов 1985: 427]. Писатель показывает, что представления мальчиков о предстоящих им испытаниях сотканы из традиционных сюжетных ходов приключенческой литературы, щедро приправлены фантазией и воображением.

Во второй половине XIX в. эти ходы стали достоянием массового сознания, а круг читателей произведений Купера, Майн Рида и других американских авторов расширился за счет детской читательской аудитории. Заметим также, что на протяжении всего XIX в. в русской культуре наблюдался интерес к книгам европейских авторов, в которых также описывались приключения европейцев в Америке. Америка, бывшая воплощением мечты о таинственном и героическом, новом и неизвестном, воспринималась русским сознанием сквозь призму чтения, в том числе детского, приключенческих романов, романов-путешествий. Не случайно именно по этим соображениям бегут в Америку не только мальчики из рассказа Чехова, начитавшиеся Майн Рида, но и герои других произведений.

Так, в романе Немировича-Данченко Володя Стрепетов, гимназист тринадцати лет, решает отправиться в путь под влиянием книг Майн Рида, Ж. Верна, Л. Буссенара, описаний

путешествий Г.М. Стэнли, Ж. Дюмон-Дюрвиля и других авторов. Майн Рида читает Сережа, герой рассказа Серафимовича, а герой романа Каневского Саша Верхоянцев очарован книгой американского орнитолога Д.Д. Одюбона. Ж. Верн и Л. Буссенар в круг чтения героев небольшой пьески «Как они удрали в Америку!»

В детском сознании вырисовывается модель поведения «настоящего путешественника», авторы рассматриваемых произведений делают ссылки на «канон», которому следуют юные герои. Так, Володя Стрепетов собирается в Калифорнии «искать золото – по Брет-Гарту, ... по Марриэту и Густаву Эмару начнет охотиться на бизонов в индейских территориях, ... примет участие в войнах с краснокожими и помешает им снимать скальпы с белых, в Техасах... станет воспитывать мустангов и т. д.» [Немирович-Данченко 1895: 36]. Именно эти имена были знаковыми для той эпохи.

Настоящий путешественник, по мнению героев, ведет дневник, пишет надписи или эпитафии. Именно так поступает Чечевицын, подписавший сестре Володи на память тетрадь: «Монтигомо, Ястребиный Коготь». Володя Стрепетов ведет дневник, в котором драка с мальчишкой превращается в победный поединок с туземцами, безусловно, превосходящими по силам героя. Мальчики из романа Каневского неоднократно оставляют надписи на стенах пещер и кавказских скал.

Юные путешественники пытаются также экипироваться соответствующим образом. Авторы несколько иронично относятся к неумемному стремлению мальчиков в точности соответствовать героям любимых книг и знаменитым путешественникам. Расхождение с реальной действительностью создает несколько комический эффект. Так, мокасины, которые, по мнению Володи Стрепетова, являются атрибутом любого настоящего путешественника, очень трудно найти в Москве и даже Тифлисе, а пончо Володе Колоскову приходится мастерить из одеяла, вырезав в середине отверстие. В произведениях Чехова, Немировича-Данченко, Каневского, Бир-Штейна перечисляется, что же именно берут путешественники с собой в дорогу. Как правило, это пистолет, нож, несколько плиток шоколада, все наличные деньги из копилки.

Именно та жизнь, полная опасности, приключений и героики, описание которой русские мальчики находили в вышеуказанных книгах, кажется им настоящей, яркой. «Сережа читал у Майн-Рида о том, как четыре молодых человека плыли в лодке по Гудзоновой реке, как они охотились, встречали различных зверей,

птиц, ловили рыбу, попадали в опасные положения, проводили ночи на берегу при свете костра... Сережа все позабыл: гимназию, учителей, уроки, товарищей. Сцены, картины лесной жизни вставляли, точно живые, окружали его, заслоняя комнату... Настоящая, действительная жизнь, как он ее понимал, разворачивалась перед ним» [Серафимович 1925: 268].

Контраст между реальной жизнью и миром, о котором мечтают герои, тонко показан Чеховым. Занятые своими мыслями, мальчики отвечают невпопад на вопросы, что создает ощущение диссонанса. Эмоциональное состояние героев диссонирует с предпраздничной суматохой, выбивает мальчиков из обычного домашнего мира с устоявшимся порядком жизни. Не случайно автор замечает: «В предыдущие свои приезды Володя тоже занимался приготовлениями для елки или бегал во двор поглядеть, как кучер и пастух делали снеговую гору, но теперь он и Чечевицын не обратили никакого внимания на разноцветную бумагу и ни разу даже не побывали в конюшне...» [Чехов 1985: 426].

Детский мир, как замечают исследователи творчества Чехова (Ю.И. Айхенвальд, Э.А. Полоцкая и др.), – мир искренности и чистоты, своего рода лакмусовая бумажка мира взрослых. В некрологе Пржевальскому Чехов писал, что мечта мальчишек-гимназистов бежать в Америку – это, в сущности, мечта о героическом.

Такое понимание мотивов поступков героев присуще не только Чехову. Серафимович приводит в рассказе «Сережа» диалог героя с матерью, говорящей прописные истины, которые, как тонко чувствует мальчик, суть вовсе не истина, а «поповская правда... которая всем давно надоела» [Серафимович 1925: 276]. Он не может принять одобренных обществом жизненных сценариев – быть чиновником, учителем, подчиняться однообразному и томительному расписанию. И в рассказе «Бегство» именно это стремление в чудесную даль и незнакомый мир становится импульсом для побега героя из родного дома. Мир краснокожих привлекает Сережу своей свободой, непредсказуемостью, где все решают храбрость, сила, ловкость. Противопоставление этих двух миров – далекого и домашнего – и соответственно романтики – повседневности является сквозным в тексте рассказа.

В произведениях Чехова и Серафимовича значительное внимание уделяется изображению внутреннего мира героя, его душевных переживаний. Чехов рисует внутренние колебания

Володи, нежелание причинить боль близким. Бежит из дома мальчик из автобиографического рассказа «Бегство» и попадает в большой мир, сложный, непонятный. Подобно Егорушке из «Степи» Чехова, он обретает новый, бесценный опыт.

В рассказе Серафимовича возникает чеховская коллизия «казалось – оказалось» (термин В.Б. Катаева). Все, что казалось дома таким понятным, вдруг обретает новый смысл. «Отчего там, на Кавказе, в Америке, когда я читал о разных похождениях и путешествиях, ночи производили совсем иное впечатление?... здесь все просто и... страшно» [Серафимович 1925: 314]. Маленький герой учится ответственности за свои поступки. Действуя по книжным образцам, он начинает понимать, что ими жизнь не исчерпывается. Так, чувствуя себя отважным путешественником, он убивает из ружья горлицу. Убив живое существо, герой испытывает чувство раскаяния, боли за то, что совершил. Понимание ценности живой жизни, ответственности за свои деяния становится лейтмотивом рассказа. «Я страстно мечтал о том времени, когда сделаюсь охотником, буду подкрадываться к птицам и стрелять в них. Но убитая горлица, упавшая серым комком, точно молча отворила дверь в какой-то иной мир, полный огромного смысла и значения» [Серафимович 1925: 321].

В произведениях Немировича-Данченко и Каневского, между тем, выстроена другая оппозиция. Авторы противопоставляют Америку как край мечты героев миру родной земли. И в этом смысле побег гимназистов вызывает иную авторскую оценку. В отличие от Чехова и Серафимовича, Немирович-Данченко настойчиво акцентирует противопоставление *чужой* Америки *своей* земле, России. Так, Володя читает иностранных путешественников, не зная истории и плохо ориентируясь в географии родной страны. Авторская оценка очевидна: такое увлечение вызывает иронию писателя и авторских героев, противопоставленных мальчику (Саша и Коля Елисеевы, дети нижегородского купца). Более того, он получает ироничное прозвище «американец».

Роман Немировича-Данченко откровенно назидателен, а его композиционная структура несколько схематична, что отчасти обусловлено авторской задачей: в увлекательной форме представить юным читателям сведения по истории и географии России. Поэтому рассказ о путешествии мальчика постоянно чередуется с описаниями познавательного характера с соответствующими иллюстрациями. Соответственно меняется и стиливая окраска повествования, однако к финалу романа

усиливается драматизм. Оказавшись на пароходе, отправляющемся из Астрахани в Баку, герой, не выдержав работы помощником кочегара, заболевает, и только в Баку мальчика находят родители.

Путешествие по Грузии героев романа Каневского, трудное и довольно опасное, закаляет героев, оказывается проверкой их характеров, нравственных качеств, силы духа, обогащает их. А главное, заставляет всерьез полюбить свою родину, заинтересоваться Кавказом. Если в начале произведения Саше Верхоянцеву кажется, что на родине исследовать уже нечего, то в эпилоге юноши, стоящие на пороге взрослой жизни, готовятся посвятить свою жизнь именно Кавказу. Каневский менее дидактичен, нежели Немирович-Данченко, но и в его книге дано множество полезных и увлекательных сведений о народах Закавказья, флоре и фауне Кавказских гор, практических советов (например, как ориентироваться в лесу). В этих произведениях присутствуют элементы жанров романа-путешествия и авантюрного романа, поскольку дорожные приключения следуют друг за другом.

Итак, можно говорить, что в последней трети XIX – начале XX вв. возникло немало произведений, в которых наблюдаются общие мотивы и сюжетные ходы. В рассматриваемых текстах стремление героев попасть в Америку является исходным импульсом для развития сюжета. В ряде произведений сходной остается общая сюжетная канва: дети убегают, некоторое время проводят вне дома, а потом происходит их возвращение назад. Но варианты развития сюжетного действия различны. Так, Володя Стрепетов из романа «На краю гибели» и гимназисты из романа Каневского «В Америку» находятся в пути несколько месяцев, переживают целый ряд приключений – трудных и даже опасных. Стрепетов в течение нескольких месяцев через Нижний Новгород, Казань, Астрахань добирается от Москвы до Баку. Саша Верхоянцев с товарищами-гимназистами три месяца проводит в горах Кавказа, пытаясь добраться из Тифлиса до Сухуми, чтобы сесть на заграничный пароход.

В финале герои произведений возвращаются под отчий кров. Мальчиков из рассказа Чехова задерживают в городе. Для Сережи испытанием становится приключение – яркое и драматичное – в родной местности. Он впервые отправляется с «уличными» мальчишками в лес, попадает в ситуацию, требующую ловкости и быстроты, впервые ловит раков, а потом дома взалхлеб рассказывает об открытиях этого дня, стоившего многого путешествия. Героев пьесы-шутки «Как они

удрали в Америку» вовремя останавливает дядя-моряк. Попав к контрабандистам, герои романа Каневского едва не погибают, но их спасают в Черном море русские солдаты.

Несмотря на определенное сходство в сюжетно-композиционной организации произведений, семантическое поле мотива побега в Америку достаточно широко. Особняком в ряду рассматриваемых произведений стоит мемуарная проза М.А. Осоргина. Автор явно вступает в диалог с современной ему русской литературой. В его мемуарных очерках отношение к Америке является критерием создания еще одной актуальной для русской культуры оппозиции *центр – провинция*. Писатель подчеркивает, что это именно столичные гимназисты рубежа веков мечтают об Америке и бегут туда из родного дома. «...Нам Америка была ни к чему, – своя Америка под боком... [Осоргин 1992: 136]. Нет, Америка не прельщала нас, у которых рядом были леса, переходившие в тайгу по ту сторону Урала... Там, в верховьях, есть холодные и чистые озера, где судак никогда не видал рыболовной дорожки... Там запашистая и прощающая судьба накопила для будущего России, для поправки и богатства... всего, чего требует ненасытная человеческая душа» [Осоргин 1992: 137-138].

Осоргин полемизирует со сложившейся на протяжении XVIII – XIX вв. и уже устоявшейся в русской культуре мифологемой Америки как обретенного рая и края свободы. В русской литературе к началу XX в. сложилась также устойчивая оппозиция *Америка – Россия* по основанию *свобода – несвобода*. Писатель же наполняет эту мифологему иным, противоположным смыслом. Раем является отнюдь не Америка, а родная земля с девственными лесами, свободная прикамская земля, не ведавшая крепостного права.

Если столичным мальчикам, героям рассмотренных произведений, чтобы понять это, приходится пройти непростой и иногда длительный путь, в прозе Осоргина данная позиция эксплицирована изначально. Именно родная – точнее, прикамская земля – ассоциируется у писателя с благословенным краем изобилия и богатства, является своего рода землей обетованной.

Итак, в отличие от начала XIX в. побег / отъезд в Америку в конце столетия – начале XX в., во-первых, становится предметом рефлексии русских публицистов и писателей, а во-вторых, несет в себе противоположные или, по крайней мере, неоднозначные оценки. Кроме того, если в начале XIX в. стремление в Америку

было частью биографии русских мальчиков, то в конце столетия мотив *отъезда / побега* в США переходит и в область художественной литературы. Бегство детей «в Америку» в прозе русских писателей рассматриваемого периода становится реализацией потребности в героике, способом проверки себя. Путь в Америку оборачивается открытием сложного мира, полного противоречий, дорогой к познанию собственной страны. Однако в литературе региональной, в частности в прозе Осоргина, происходит демифологизация Америки и мифологизируется родное пространство. Землей обетованной и краем изобилия именуется родина, Прикамье, а не заморские края. Тем самым позиция Осоргина, отчасти перекликаясь со взглядами Достоевского, уже в более позднее время представляет другой полюс оценок такого

феномена, как стремление русских мальчиков в далекую Америку.

Список литературы

Немирович-Данченко В.И. На краю гибели: роман для юношества: в 3 ч. 2-е изд. М.: Унив. тип., 1895. 440 с.

Нитобург Э.Л. Русская иммиграция в США в зеркале американской статистики // Этногр. Обзорение. 1999. № 4. С. 94-105.

Осоргин М.А. Мемуарная проза / сост. О.Г.Ласунский. Пермь: Кн. изд-во, 1992. 284 с. (Литературные памятники Прикамья).

Серафимович А.С. Собрание сочинений: в 11 т. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 8. 246 с.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1985. Т.6. 735 с.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1987. Т. 16. 623 с.

AMERICA IN THE LITERATURE FOR CHILDREN OF THE END OF 19TH CENTURE IN RUSSIA

Anna A. Arustamova

**Assistant Professor of Russian Literature Department
Perm State University**

The article follows how perception of the USA by the Russian culture was manifested in the literature for children in late of the 19thc. It is shown how significant cultural tendencies of the epoch were refracted through the prism of children literature. The author considers works of such famous writers as Chekhov, Osorgin and texts of less studied writers such as Nemirovich-Danchenko, Kanevsky and others, whose works belong to «mass fiction». The main motive of young protagonists' leaving\escaping to America is investigated in the article. The author is focused on moral and psychological problems, which were actual for Russian literature of that period as well.

Keywords: the USA; Russian literature; children literature; perception.